

Уильям Теккерей

Ребекка и Ровена

Перевод с английского
Зинаиды Александровой

ФТМ

Уильям Теккерей
Ребекка и Ровена

Теккерей У. М.

Ребекка и Ровена / У. М. Теккерей — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-2832-9

В иронических повестях Теккерей «Ревекка и Рове» в переводе Зинаиды Евгеньевны Александровой писатель предположил, какой могла бы стать дальнейшая совместная жизнь благородной пары Уилфреда Айвенго и прекрасной леди Ровены. Писатель острым пером снял с рыцаря и средневековой дамы ореол романтической истории и понаблюдал за жизнью простого английского провинциального семейства.

ISBN 978-5-4467-2832-9

© Теккерей У. М.

© ФТМ

Содержание

Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Уильям Мейкпис Теккерей Ребекка и Ровена

Роман о романе

Сочинение М. А. Титмарша

Глава I

Увертюра. Завязка действия

Дорогие читатели романов и вы, нежные патронессы беллетристики! Каждому из вас наверняка часто казалось, что восхитившие нас книги имеют весьма неудовлетворительные развязки и преждевременно обрываются на стр. 320 третьего тома. К тому времени, как известно, герою очень редко бывает за тридцать, а героине, соответственно, лет на семь – восемь меньше; и я спрашиваю вас: ну можно ли поверить, что после этого возраста в жизни людей не происходит ничего достойного внимания; и что они кончают свое существование, едва отъехав от церкви св. Георга на Гановер-сквер? Вы, милые барышни, черпающие знание жизни из библиотечных томов, можете, пожалуй, вообразить, что когда венчание свершилось, когда Эмилия села в новую дорожную карету рядом с восхищенным графом, а Белинда, вырвавшись из слезных объятий своей достойной матушки, осушила ясные глазки о бурно вздымающийся жилет жениха – то на этом все и кончается: Эмилия и граф будут до конца своих дней счастливы в романтическом северном замке его светлости; а Белинда со своим молодым пастором будут вкушать непрерывное блаженство в уютном розами приходском домике где – нибудь на западе Англии.

Но есть среди читателей романов люди пожилые, опытные и более осведомленные. Есть среди них и такие, что сами были женаты и убедились, что и после женитьбы приходится еще немало повидать, сделать, а быть может, и перестрадать; и что все происшествя, и беды, и удачи, и налоги, и восходы, и закаты, словом, все дела и горести и радости жизни идут своим чередом не только до, но и после брачной церемонии.

Вот почему я утверждаю, что романист незаконно расправляется с героем, героиней и неопытными читателями, когда прощается с первыми, когда они становятся мужем и женой; и мне часто хотелось, чтобы ко всем романом, которые обрываются вышеописанным способом, делались добавления и чтобы нам сообщали, что случилось со степенным женатым человеком, а не только с пылким холостяком; с матерью семейства; а не только со стыдливой девице. Тут я отдаю дань восхищения (и хотел бы подражать) замечательному и плодовитому французскому автору Александру Дюма, маркизу Дави де ла Пайетри, который сопровождает своих героев от ранней юности до почтенной старости и не оставляет их в покое вплоть до такого возраста, когда бедняги давно уже заслужили отдых. Герой – слишком ценная личность, чтобы уходить в отставку в расцвете молодости и сил; хотел бы я знать, кто из вас, милые дамы, согласится выйти в тираж и никому не быть интересной только потому, что у вас подрастают дети и вам уже тридцать пять? Я знал шестидесятилетних дам с теми же нежными сердцами и романтическими порывами, что и в шестнадцать лет. Пусть же пусть молодежь знает, что и старшее поколение имеет право на интерес; что у дамы по-прежнему есть сердце, хотя талия ее уже не та, что была в пансионе; что у мужчины еще могут быть чувства, хоть он и заказывает парик у Труффита.

Итак, я желал бы, чтобы жизнеописания наиболее прославленных персонажей были продолжены компетентными авторами и чтобы мы могли наблюдать их хоть до сколько – нибудь почтенного возраста. Возьмите героев мистера Джеймса:¹ они неизменно рано женятся. Возьмите героев мистера Диккенса: они исчезают со сцены совсем зелеными юнцами. Я хотел бы надеяться, что упомянутые авторы, которые еще здравствуют, поймут необходимость поведать нам побольше о людях, в которых мы приняли живое участие и которые сейчас должны еще

---

¹ Джеймс Джордж (1799–1860) – английский писатель, автор исторических романов в духе Вальтера Скотта. Манеру письма Джеймса и других эпигонов Скотта Теккерей пародировал в «Романах прославленных сочинителей»

находиться в полном расцвете телесных и духовных сил. И в повестях великого сэра Вальтера (да славится имя его!), безусловно, есть немало особ, безвременно от нас ушедших, о которых нам хотелось бы узнать подробнее.

Одной из них всегда была для меня милая Ревекка, дочь Исаака из Йорка; я отказываюсь верить, чтобы столь прелестная женщин – красива, нежная и героическая – могла быть навсегда вытеснена такой, как Ровена, – бесцветным белобрысым созданием, по моему скромному мнению недостойным ни Айвенго, ни положения героини. Мне всегда казалось, что если бы каждая из них получила по заслугам, то Ревекке достался бы муж, а Ровене надо бы в монастырь, где я, по крайней мере, не стал бы о ней справляться.

А он все – таки вышла за Айвенго. Что тут поделаешь? Сделать тут ничего нельзя. В конце третьего тома хроники сэра Вальтера Скотта так прямо и сказано, черным по белому, что она сочеталась с ним браком. Но неужели Рыцарь Лишенный Наследства, чья кровь согревалась палестинским солнцем, чье сердце впервые забилося от близости прекрасной и нежной Ревекки, на всю жизнь удовлетворится таким замороженным образчиком корректности, какова ледяная, непогрешимая, чопорная и жеманная Ровена? Да не допустит этого Судьба и поэтическая справедливость! Есть простой способ исправить дело и всем воздать по заслугам – именно это я и предлагаю читателям романа. Историю Айвенго необходимо продолжить, что я как раз и намерен сделать. Я могу ошибиться в некоторых деталях, – с каким автором этого не бывает? – но относительно общих событий у меня нет ни малейших сомнений, и я с уверенностью изложу их великодушному читателю, который любит, чтобы добродетель торжествовала, а истинная любовь вознаграждалась; и чтобы в конце пантомимы светлая Фея сходилась со своей сверкающей колесницы и устраивала счастье Арлекина и Коломбины. Нужды нет, леди и джентльмены, что в жизни все обстоит иначе и что мы, проделав множество антраша и много раз выбравшись из всевозможных люков на меняющейся жизненной сцене, в конце представления так и не можем дожидаться Феи, которая устроила бы наше благополучие. Что ж, признаем преимущества наших вымышленных героев и не будем завидовать их счастью.

Любой человек, прочитавший предшествующие тома нашей истории, как ее поведал славный летописец из Абботсфорда, с уверенностью может предсказать, чем оказался брак сэра Уилфрида Айвенго и леди Ровены. Те, кто помнит ее поведение в девичестве – ее изысканную вежливость, ее безупречную скромность, неизменное хладнокровие при любых обстоятельствах и манеры, исполненные достоинства, могут быть уверены, что она и в замужестве осталась такой же и что в качестве супруги Ровена оказалась образцом благоприличия для всех английских матрон.

Так оно и было. Ее благочестие было известно по всей округе. Замок Ротервуд сделался сборным пунктом для всех английских попов и монахов, которых она потчевала отменными яствами, в то время как сама довольствовалась горохом и водою. Не было ни одного увечного во всех трех округах, будь то сакс или норманн, к которому леди Ровена не приезжала бы в сопровождении своего духовника отца Глаубера и врача – брата Томаса из Эпсона. Все церкви Йоркшира освещались восковыми свечами из ее набожных приношений. Колокола в замковой часовне начинали звон с двух часов пополудни; и все слуги Ротервуда были обязаны ходить к утрени, вечерне, ранней и поздней обедне и к проповеди. Нечего и говорить, что посты соблюдались там по всей строгости церковных канонов и что леди Ровене всего угоднее были те слуги, которые носили самую жесткую власяницу и бичевали себя с наибольшим усердием.

Должно быть, этот суровый режим заморозил мозги бедного Вамбы и погасил его веселье; но только он сделался самым меланхоличным шутком во всей Англии, и если иногда решался сострить перед жалкими, дрожащими челядинцами, жевавшими сухую корку на нижнем конце стола, это были столь слабые и вымученные остроты, что никто не смеялся намекам злополучного шутника, и наградою ему бывали, самое большее, бледные улыбки. Только однажды придурковатый гусятник Гуффо вслух засмеялся плохонькому каламбуру, который Вамба всучил

ему за ужином. (Стемнело, принесли факелы, и Вамба сказал: «Гуффо, тут спорят о вещах столь темных, что не худо бы пролить немного света»). Леди Ровена, которую смех отвлек от богословского диспута с отцом Вилибальдом (впоследствии он был канонизирован под именем святого Вилибальда, отшельника и исповедника), осведомилась о причине неприличного веселья, а когда ей указали виновников, велела тут же вывести Гуффо и Вамбу во двор и дать каждому по три дюжине плетей.

– Я выручил тебя из замка Фрон – де-Бефа, – жалостно сказал бедный Вамба сэру Уилфриду Айвенго. – Неужели ты не спасешь меня от плетей?

– Вот именно, из замка Фрон – де-Бефа, где вы заперлись в башне с еврейкой, – надменно сказала Ровена в ответ на робкую просьбу мужа. – Гурт, дай ему четыре дюжины.

Вот и все, чего добился бедный Вамба, прибегнув к заступничеству своего господина.

Вообще Ровена так блюла свое достоинство принцессы саксонского королевского дома, что ее супругу, сэру Уилфриду Айвенго, не было никакого житья. Ему всячески давали почувствовать его более низкое происхождение. А кто из нас, знающих прекрасный пол, не замечал этой способности милых женщин? Как часто мудрейший муж совета оказывается дураком в их присутствии, а храбрейший из воинов постыдно робеет перед домашней прялкой.

«Где вы заперлись в башне с еврейкой», – это многозначительное замечание было слишком понятно Уилфриду, а вероятно, и читателю. Когда дочь Исаака из Йорка – бедная кроткая жертва – положила свои алмазы и рубины к ногам победоносной Ровены и отправилась в далекие края, чтобы там ходить за больными соплеменниками и томиться безответной любовью, сжигавшей ее чистое сердце, можно было надеяться, что такое смирение смягчит душу знатной леди и что победа сделает ее великодушной.

Но где видано, чтобы женщина честных правил простила другой, что та красивее ее и более достойна любви? Правда, леди Ровена, как сообщает первая часть хроники, великодушно сказала еврейской девушке: «Живи с нами и будь мне сестрой»; но Ревекка в глубине души сознавала, что предложение знатной леди было, что называется, блефом (если выразиться на благородном восточном языке, знакомом крестоносцу Уилфриду, или, если уж говорить по-английски, попросту трепотней), и она удалилась в смиренной печали, не будучи в силах видеть счастье соперницы, но не желая омрачать его своим горем. Ровена, как и подобает самой благородной и добродетельной из женщин, не могла простить дочери Исаака ни ее красоты, ни ее флирта с Уилфридом (как называла это саксонская леди), а главное – ее великолепных алмазов, хотя они и перешли в собственность Ровены.

Словом, она вечно попрекала мужа Ревеккой. Не было дня в жизни злополучного воина, когда ему не напомнили бы, что он был любим иудейской девушкой и что подобное оскорбление не может быть забыто знатной христианкой. Когда свинопас Гурт, возведенный теперь в должность лесника, докладывал, что в лесу появился кабан и можно поохотиться, Ровена говорила: «Ну конечно, сэр Уилфрид, как не ополчиться на бедных свинок – ведь ваши друзья евреи их не выносят!» А если, как случалось частенько, наш Ричард с лвиным сердцем, желая добиться от евреев займа, поджаривал кого – либо из иудейских капиталистов или вырывал зубы у наиболее видных раввинов, Ровена ликовала и говорила: «Так им и надо, поганым нехристям! Не будет в Англии порядка, пока этих чудовищ не истребят всех до единого!» Или, исполненная еще более свирепого сарказма, восклицала: «Айвенго, милый! Ты слышишь? Опять гонения на евреев! Не следует ли тебе вмешаться, мой дорогой? Для тебя Его Величество все сделает, а ведь ты всегда так любил евреев», – и так далее в том же роде. Однако ее светлость никогда не упускала случая надеть драгоценности Ревекки на прием у королевы или на бал по случаю судебной сессии в Йорке, но не потому, чтобы она придавала значение подобным суетным утехам, а исключительно по долгу, в качестве одной из первых дам графства.

И вот сэр Уилфрид Айвенго, достигнув вершины своих желаний, разочаровался, подобно многим другим, достигшим этой опасной вершины. Ах, милые друзья, сколь часто так бывает

в жизни! Немало садов кажутся издали зелеными и цветущими, а вблизи мрачны и полны сорняков; их тенистые аллеи угрюмы и заросли травой, а беседки, где вы жаждали вкусить отдых, утопают в жгучей крапиве. Я ездил в каике по Босфору и смотрел оттуда на столицу Султана. С этих синих вод ее дворцы и минареты, золоченые купола и стройные кипарисы выглядят истинным Магометовым раем; но войдите в город, и он окажется скопищем жалких хижин, лабиринтом грязных крутых улочек, где стоит омерзительная вонь и кишат облезлые собаки и оборванные нищие, – страшное зрелище! Увы! Такова и жизнь. Реальна лишь одна надежда, а реальность горька и обманчива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.